

ИСТОРИЧЕСКИЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ

ЛЕВ
ВЕРШИНИН

НЕСУЩИЕ
СМЕРТЬ

Стрелы судьбы

МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В37

Вершинин, Лев Рэмович.

В37 Несущие смерть. Стрелы судьбы / Лев Вершинин. — Москва : Эксмо: Яуза-пресс, 2016. — 416 с. — (Исторические приключения).

ISBN 978-5-699-90336-8

Чтобы выстоять под ливнем стрел, фаланга поет — македонцы унаследовали этот обычай от спартанцев. Азиатские стрелы затмевают солнце и покрывают землю густой стерней, стрелы расщепляют щиты и находят щели в доспехах. Гоплиты стоят в крови уже по щиколотку, но пока фаланга поет «эмбатерию», боевой гимн, заглушающий свист стрел, — она остается фалангой.

«Тысячи глоток пели, кричали, хрители, выли, выхаркивали с кровью грозные и торжественные слова. О великой стране, встающей на смертный бой. О благородной ярости, вскипающей подобно штормовой волне... Уже не силы, почти иссякшие, даже не воля к победе, истекающая в никуда, а песня, и только она, смыкала края щитов. Фаланга жила, пока жила песня... Но стрелы все летели, летели, летели. Гудящие, свистящие, звенящие в полете. Несущие смерть. Неотвратимые...»

От этой книги невозможно оторваться, но роман Льва Вершинина — больше, чем исторический боевик. Это — первая на русском языке эпопея о «величайшей геополитической катастрофе» Древнего Мира, о распаде империи Александра Македонского и братоубийственной бойне на руинах сверхдержавы. О том, как повторяется всё в истории, чем всегда заканчиваются Игры Престолов и можно ли выстоять под стрелами Судьбы, которую македонцы вслед за эллинами зовут Ананке — «неотвратимость»...

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Вершинин Л.Р., 2016
© ООО «Издательство «Яуза», 2016
© ООО «Издательство «Эксмо», 2016

ISBN 978-5-699-90336-8

*Светлой памяти моей мамочки,
Эдит Львовны Вершининой,
ПОСВЯЩАЮ*

Прологий

УЙТИ, СМЕЯСЬ...

Верхняя Македония. Горы Тимфеи.

Рубеж зимы и весны года 468 от начала Игр в Олимпии

ед, ты должен согласиться, я прошу тебя! Ясный юношеский голос, ничем, ни бедами, ни заботами, еще не замутненный. И в нем, словно комок грязи в горном ручье, — гаденький, истеричный провизг.
— Дед, ты старый, тебе уже все равно!

Два голоса, немного пониже, побасистее; близнецы, как всегда, говорят вместе, словно по сигналу.

— Подумай о нас, дед!

Тяжело, словно камнем о камень. Это — старший, он уже перешагнул порог, отделяющий юность от зрелости...

Впервые за долгие годы, минувшие с того дня, когда глаза окутала темная пелена, навеки застлавшая краски мира, Полисперхонт был рад тому, что слеп. Ему не хотелось бы сейчас прозреть, хотя именно об этом даре он не уставал молить богов изо дня в день.

Прозреть хотя бы на недолгий срок, насладиться напоследок солнечными лучами, пляшущими на ослепительной белизне ледников, — и все! Можно уходить! За один-единственный такой миг наслаждения старик, не

раздумывая, отдал бы все до единого отмеренные ему дни опостылевшей, безмерно затянувшейся жизни.

Но сейчас слепота оказалась спасительной.

Слишком тяжело было бы смотреть в глаза внукам, пришедшим требовать от него непосильного.

— Подумай о нас, дед! Подумай о нас!

Теперь уже — все вместе. Хором. Без жалости и милосердия. Даже без желания понять.

— Все, что я делал, я делал для вас, дети! — Он не хотел говорить, но не выдержал жестокой неправды, звенящей в юных голосах. — Разве вы забыли, кто вы?!

Они ненадолго притихли.

А затем младший, самый любимый, балованный, срывающимся голосом выкрикнул:

— Мы не хотим того, чего *ты* хочешь для нас! Мы хотим жить, как люди!

Затянутые белесыми бельмами стариковские зрачки потемнели.

— Уходите! — приказал Полисперхонт, и в голосе его свистнула плеть. В первый раз внуки услышали такое, и все трое отшатнулись к выходу.

Невозможно было послушаться хлесткого приказа.

Они вышли.

А старик остался сидеть у очага, жарко натопленного, но все же не способного полностью совладать с подлым сквозняком, по-хозяйски шныряющим по переходам и покоем дряхлой, заросшей многовековым мхом башни.

Давно забывший, что такое слезы, он удивлялся сейчас странному комку, сдавившему горло.

Как все-таки жестоки молодые! И как недалеко видны...

Возможно, он был неправ, балуя их, позволяя им все и все прощая. Но разве мог он иначе?! Ведь это же его внуки! Плоть и кровь его, завещанная ему по-

НЕСУЩИЕ СМЕРТЬ

гибшими сыновьями. Да что там! Они — последние, в чьих жилах течет благородная кровь тимфейских базилевсов*, настолько древняя, что даже молосские цари по праву происхождения достойны разве что подавать щит тимфейским Карнидам. Что уж там говорить о полубезродных выскочках, чье родство с богами более чем сомнительно, об этих, с позволения сказать, Аргеадах, царях Македонии?!

Внуки не способны понять его.

Сыновья поняли бы. Им обоим он сумел бы объяснить все. Ведь он научил их любить родную Тимфею! Тимфею, которую поставили на колени и почти убили злобные соседи, превратив славное царство в одну лишь из македонских областей! Он, Полисперхонт, говорил с сыновьями, ничего не скрывая. В конце концов, они ведь были не так уж малы в тот проклятый день, когда их отец, последний тимфейский царь, в присутствии скорбно потупившихся архонтов* Тимфеи и злорадно скалящих зубы македонских стратегов, преклонил колена перед хромым Филиппом, царем Македонии, и протянул победителю свою диадему, получив взамен алый, украшенный золотым шитьем плащ македонского гетайра* и перстень — знак принадлежности к царскому Совету.

Сила сломила силу в тот год, который хотелось бы вычеркнуть из памяти, но — и не хотелось в то же время, ибо воспоминания питали ненависть. А чем, кроме ненависти, оставалось жить Полисперхонту?!

Да, он оказался умнее прочих! Недаром все, даже враги, почитали его за умение рассчитывать наперед! Он вовремя осознал, что боги сказали свое слово. Что спорить с ясно выраженной волей Олимпийцев — преступно. И как ни обидно признать, но долгий спор Карнидов с Аргеадами завершился в пользу владетелей Пеллы. И потому род тимфейских базилевсов уцелел, не

разделил ни горестную судьбу Промелионов Орестийских, чьи следы навеки затерялись в землях фракийских варваров, ни Танталиев Линкестийских, проявивших упорство в борьбе и за это изведенных под корень.

Он оказался умнее.

Спас себя и детей. Сберег родовую казну. Стал одним из ближних вельмож хромого Филиппа, а затем и его изверга-сына.

Но Тимфеи не стало.

И кому, кроме богов, ведомо, стоило ли сохраненное *такой* жертвы?

Сыновья поняли бы отца...

Увы! Их обоих, красивых, отважных и гордых мужей, давно уже нет на свете. Оба пали в боях, честно и храбро сражаясь под чужими знаменами, завоевывая никому не нужную Азию во славу припадочного выродка, мнящего себя Богом, а на самом деле, со всей своей македонской спесью, недостойного даже завязывать ремешки на эндромидах* наследников тимфейской диадемы.

Сыновей нет.

Есть внуки.

Которых он не брал в походы, боясь простудить, опасаясь подставить невзначай под вражескую стрелу, страшась иных напастей. Случись с кем из мальчишек непоправимое, и он, Полисперхонт, не смог бы смотреть в глаза сыновьям, ожидающим его по ту сторону Ахерона...

Есть внуки.

Которые сегодня отреклись от деда.

И от Тимфеи.

Впрочем, мальчиков можно понять, подумалось вдруг.

Он никогда не умел сердиться на внуков. Позволял им дергать себя за бороду, когда они были совсем

НЕСУЩИЕ СМЕРТЬ

малы, исполнял любые их капризы, когда они подростки, возвышал в ущерб более достойным, когда они повзрослели.

Более достойные, оскорбившись, покидали его и переходили под вражеские знамена; греческие города, возмущаясь повадками зарвавшихся юнцов, один за другим бунтовали; советники требовали от старика прекратить потворствовать внукам, настаивали даже на наказаниях — но это было свыше его сил...

И сейчас, когда первая горечь, вызванная злыми словами мальчишек, схлынула, Полисперхонт, сам не желая того, поставил себя на их место. Вернее — попытался представить и, сделав это, осознал, что по-своему внуки правы.

Им, привыкшим к холе и роскоши, бредящим алыми плащами и позолоченными доспехами, взалхав обсуждающим последние изыски афинских искусников прически и завидующим сверстникам, обладающим целыми конюшнями нисейцев, — что им было делать в тимфейских ущельях? В глухой провинции, где некогда были рождены от богов их предки? Где поныне живы духи родоначальников славных Карнидов, неспособные спасти всю Тимфею, но раз за разом — то лавинами, сметающими в пропасть карательные отряды, то разливами бурных горных речушек, превращающихся в гулкие потоки, — прогоняющие отряды македонцев, вот уже который год упрямо карабкающихся в горы, мечтавая заполучить, наконец, седую голову последнего тимфейского базилевса?..

— Прочти еще раз, — негромко повелел Полисперхонт, не поворачивая головы.

Смирно сидящий в уголке покоя грамматик, неслышно ступая, переместился поближе к свету.

— Изволишь приказать начать с начала, господин?

— Да! С самого начала, — нетерпеливо подтвердил старик.

Прикрыв слепые глаза, он ждал.

Вот писарек расстегивает футляр. Вот разворачивает свиток. Тот поначалу противится. Судя по шороху, норовит вновь свернуться в тугую трубку. Но спустя мгновение покоряется настойчивым человеческим пальцам.

Грамматик глубоко вздыхает, готовя горло к внятному и чистому чтению.

— Ну, что ты там копаешься?!

— Да-да, прости, господин мой... «От благородного Кассандра Антипатрида благородному Полисперхонту Тимфейскому, где бы он ни находился...»

Веки старца слегка дрогнули.

Больно и тяжело терпеть оскорбления, наносимые мальчишкой, негодяем, поправшим не только законы справедливости, но даже и обычаи своей родной Македонии!

В третий раз уже выслушивает Полисперхонт эти слова! Он запомнил их слово в слово, вник в скрытое между строк и обратил внимание, что впервые за десять лет, обращаясь к нему, сын Антипатра упоминает о благородстве, титулуя самого страшного врага своего наравне с самим собою. Доныне, и в письмах, присылаемых через верных людей в Тимфейские горы, и в указах, рассылаемых по городам Эллады, самым мягким из величаний было «пес, сын пса, порождение тьмы Эреба и всяческой скверны Полисперхонт, лжеименующий себя наместником Македонии». На сей раз Кассандр пишет учтиво, но и теперь он не смог отказать себе в удовольствии намекнуть, что у потомка тимфейских царей не осталось в этом мире постоянного пристанища. И он, Полисперхонт, сын и внук повелителей здешних мест и сам былой их властелин, ныне скита-

НЕСУЩИЕ СМЕРТЬ

ется от башни к башне, вместе с внуками и немногими дружинниками-тимфеями, связанными кровавой клятвой с домом Карнидов...

— Продолжай!

Грамматик, знающий уже, в каком месте надлежит прервать чтение, встрепенулся.

— Повинуюсь, светлый царь... Гм-м... «Не как к сопернику своему обращаюсь я к тебе, Карнид, ибо жизнь расставила все по местам и соперником мне ныне ты не являешься, но как к воину, доблестно служившему Македонии три десятка лет и тем самым заслужившему право на снисхождение...»

Еще одна ядовитая капля, подслащенная словесным медом!

Тоном победителя пишет злобный юнец!

Впрочем, он имеет на это право...

— Дальше!

— «Ты уже стар, Полисперхонт Тимфейский, ты уже слеп, и дни твои сочтены. Не устал ли ты неприютным скитальцем блуждать по горным тропам? Стыть на ледяных ветрах, не зная, где завтра придется преклонить усталую голову? Не утомлены ли юные внуки твои жизнью столь скудной и дикой, что в Пелле ровесники их, уступающие им знатностью, уже и не насмеются над ними, но лишь скорбят? Не горестно ли видеть тебе, полагающему себя отцом Тимфеи, как пылают села, приютившие тебя хотя бы на ночь? Нет! Не могу поверить, что дряхлая старость вместе со зрением отняла у тебя и рассудок! Не могу допустить, что ты враг себе самому и потомкам своим...»

Грамматик умолк. И правильно сделал. Уже дважды обрывал старец его на этом самом месте.

Что поделаешь? Как ни горька правда, но лишь враг себе самому станет подменять ее сладенькой ложью. Все, что сказано в письме, целит не в бровь, а в глаз!

В слепой глаз беспомощного и побежденного старика, забившегося в снежные ущелья, словно подраненный, истекающий кровью волк!

Вместе с волчатами, уже и не помнившими, что они — тоже волки!

— Читай!

— «В посланиях своих, над которыми смеется вся Македония и вся Эллада, смеешь ты именовать себя наместником Македонии, ссылаясь на старшинство свое и древний закон, отдающий посох наместника старейшему из вождей! Но хотя бы себе самому признайся, Полисперхонт: разве не утратил ты права стоять во главе Македонии в тот час, когда возмечтал развалить страну, созданную Аргеадами, и во исполнение этой мечты, поправ волю всей страны македонской, призвал в Пеллу проклятую Олимпиаду-упыриху?!»

— Замолчи!

Боги, боги! Десять лет уж тому, а помнится все так, словно было вчера! Закрыв глаза навсегда старик Антипатр, побратим хромого Филиппа и наместник Македонии по праву старейшего. И подшутила над Македонией судьба! Ибо ее же собственный, македонский, обычай предписывал принять посох и печать наместника старейшему по возрасту из вождей, а старейшим из царского Совета был не кто иной, как он, тимфеец Полисперхонт, давно уже не царь, но полководец македонских базилевсов! Но так случилось! И он, последний Карнид, носитель диадемы независимой Тимфеи, стоял, выпрямившись, и смотрел тогда еще зрячими глазами, как присягают ему чистокровные македонцы! Многие из них делали это через силу, скрежеща зубами, но таков был обычай, и не в их власти было что-либо изменить!

И только этот заносчивый мальчишка Кассандр за день до принесения присяги покинул Пеллу и уда-

НЕСУЩИЕ СМЕРТЬ

лился в Элладу, к войскам, навербованным его отцом, сославшись на необходимость принять командование, ибо, мол, негоже армии оставаться надолго без страгегя! Нахальный сын Антипатра сделал вид, что забыл македонский закон: войско не принадлежит никому в отдельности, а командующий назначается по воле наместника и Совета. Но, избежав присяги, даже он не стал оспаривать прав Полисперхонта на посох и печать наместника Македонии!

— Ну-ка, паренек, повтори. Сам знаешь откуда...

И писаришка послушно зачистил, безошибочно угадав пожелание господина:

— «...и разве не утратил ты права стоять во главе Македонии в тот час, когда возмечтал развалить страну, созданную Аргеадами?..»

Ложь!

Нет, не ложь.

Но и не правда.

Не вся правда!

Он не сразу позволил себе решить, что настал тот миг, когда справедливость, попранная бесстыжим Филиппом, может быть восстановлена. Когда-то давно учитель-эллин говорил ему, подростку: в одну и ту же реку нельзя войти дважды. И хотя ревность и обида не угасали ни на мгновение, но думалось: жизнь уже прожита, прошлого не вернуть, и да будет так! Конечно, хотелось бы вновь ощутить на голове благородную тяжесть прапрадедовской диадемы! Хотелось бы снова увидеть над царским дворцом Тимфеи веселое знамя с круторогим быком. Но... Полисперхонт недаром прошел с сыном Филиппа почти до Инда. Он понимал: сила, покорившая пол-Ойкумены, сомнет и растопчет любого, кто осмелится встать против нее. И, понимая, готов был править Македонией от имени несмышленного мальчишки, сына Александра от персиянки, и забо-